<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-58-71>

УДК 008+765.5

ББК 71+63.3(2)+85.153(2)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. С. О. Ткаченко

г. Челябинск, Россия

САКРАЛИЗАЦИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО В ОТКРЫТКЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению иллюстрированной открытки советского времени как средства репрезентации героев отечественной истории. Отмечено, что процессы понимаемой в широком смысле сакрализации тех или иных персонажей, значимых в конкретном культурно-историческом контексте, происходили по нескольким направлениям — создание мифа о «герое из народа», мифа о вожде, а также реинтерпретация фольклорно-мифологических сюжетов. Образы народных героев были связаны с народно-освободительными движениями либо подвигами, совершенными в ходе текущих событий, таких как Гражданская и Великая Отечественная войны. Другим ключевым разделом визуализации истории с использованием открытки являлось создание мифотекстов, посвященных лидерам государства, в первую очередь В. И. Ленину и И. В. Сталину. Наряду с реальными историческими персонажами, в создании исторической картины использовались герои русских сказок и былин. Показано, как, используя открытку, формировались элементы визуального образа героя, отмечено, что иллюстрированная открытка выступала в качестве идеального средства трансляции и мультипликации визуальных образов, инструмента создания устойчивых визуальных клише. Сделаны выводы о том, что в случае с исторической открыткой осуществлялась компенсаторная функция культуры — замещение религиозной системы ценностей совокупностью сакрализованных образов иного происхождения, что открытка советского времени может рассматриваться в настоящее время как артефакт исторической памяти и значимый визуальный источник исторической информации.

Ключевые слова: иллюстрированная открытка, источник визуальной информации, репрезентация отечественной истории, исторические мифологемы, сакрализация исторических героев, миф о народном герое, компенсаторная функция культуры, артефакт исторической памяти.

Информация об авторе: Станислав Олегович Ткаченко — аспирант, Челябинский государственный институт культуры, ул. Орджоникидзе, д. 36 а, 454091 г. Челябинск, Россия; директор, Челябинский государственный музей изобразительных искусств, пл. Революции, д. 1, 454000 г. Челябинск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-6547>. E-mail: st-mus@mail.ru

Дата поступления статьи: 04.11.2020

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Ткаченко С. О. Сакрализация визуальных образов прошлого в открытке советского времени: история и мифология // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 58–71. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-58-71>

Введение

Существенно возросший интерес исследователей в области гуманитарных дисциплин к различным, связанным с изображением носителям исторической информации, определяемый «визуальным поворотом», отражен в работах А. Ю. Зенковой, Л. Н. Мазур, Е. М. Главацкой, О. В. Беззубовой [6; 11; 3; 1]. Востребованность открытки в этом плане отражена в исследованиях советского времени М. С. Забоченя, Н. С. Тагрина, Э. Б. Файнштейна, В. В. Шлеева [5; 16; 18; 21], а также постсоветского периода — Я. М. Белицкого, А. Н. Лариной, Н. А. Мозохиной, М. В. Самбур, М. Я. Чапкиной, О. В. Шабуровой [2; 9; 13; 17; 20; 22], публикациях в журналах «Советский коллекционер», «Филателия», «Жук», «Филокартия». Зачастую открытка является лишь поводом для исторического исследования, при том, что открытка, а тем более совокупность тематически отобранных карточек являются важными источниками исторических сведений.

Историческая наука, переведенная после Октябрьской революции 1917 г. на теоретическую платформу марксизма-ленинизма, формирует новую концепцию отечественной истории. Утверждается доминирующая роль народно-освободительных движений в историческом процессе, но при этом особое значение придается «роли личности в истории». Так, В. И. Ленин писал, что марксизм характеризуется «замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [11, т. 16, с. 23]. Как ни парадоксально это прозвучит, в открытке, в силу уникального сочетания компактного формата, емкости содержания, объективного синтеза официально-институционального и личностно-приватного, широчайшей распространенности и популярности и, наконец, образности визуального воплощения артефакта можно видеть фрактальные проекции интенций, заложенных в ленинских словах.

Необходимо подчеркнуть, что большинство судьбоносных решений в истории СССР, о чем свидетельствуют факты, было имманентно связано с конкретными личностями, а практика персонификации исторического процесса и в конечном счете ответственности за него распространялась и на моделирование исторического прошлого. А последнее нуждалось в высокодуховных реинтерпретациях, т. е. в сакрализации в широком (не только религиозном) смысле. Образы героев не могли содержать что-либо связывающее их с обывательскими ценностями и тем более контрреволюцией. Известный критик А. А. Федоров-Давыдов, подвергая осуждению «мещанство и пошлость» в открытке, отмечал: «Мещанская агитация достигает особенно больших размеров в открытках с портретами революционных деятелей и вождей. Конечно, это идет не от контрреволюционности художников, а от их сверхобывательской беспартийности» [19, с. 58].

В то же время учитывалась ситуация духовного вакуума, связанного с официальным запретом на религию и необходимостью компенсировать ценностные потери. Данный процесс был важен для обеих сторон — государство решало идеологические

задачи, массовый человек, обладавший выраженным религиозным сознанием (в 1937 г., согласно данным Переписи населения СССР, «из 98,4 млн. человек от 16 лет и старше, проживающих в Советской России — 55,3 млн. назвали себя верующими») нуждался в сакральных ценностях [4, с. 310]. Поэтому особый интерес представляет рассмотрение параметров репрезентации отечественной истории в открытке через образы ключевых персонажей исторического пространства.

Следует отметить, что историческая наука, в силу своей специфики, в советское время (как, впрочем, и в другие исторические периоды) была подвержена процессам мифологизации. Один из центральных мифов — о национальном герое, — как отмечают исследователи, обладает несколькими специфическими чертами. Он содержит парадоксальную дихотомию — миф о герое «из народа», нередко разбойнике, с одной стороны, и миф о представителе верховной власти — с другой; непременно представляет героя в успешном противостоянии внешним угрозам; вкладывает в героя такие черты, как бескорыстие и нестяжательство [7, с. 229–230].

«Героями не рождаются?»

«Назначенными» героями «из народа» становятся, в частности, Емельян Пугачев и Степан Разин. Их образы, в силу актуальности задач пропаганды истории народно-освободительного движения как подготовительного этапа к Октябрьской революции, особенно часто используются в визуальных открыточных текстах 1920–1930-х гг. (ил. 1). Наряду с портретными изображениями, моделируются и ключевые эпизоды их повстанческой деятельности. Единство, родство с простым народом, готовность к самопожертвованию ради народного блага, непреклонное мужество и способность творить «чудеса народного пролетарского героизма» — таковы канонические качества героев, прочитываемые в композиционно-пластических решениях используемых на открытках картин [10, т. 16, с. 21]. «Конвейер» по производству народно-мифологических героев работал бесперебойно: вскоре после завершения Гражданской войны формируется пантеон ее героев: В. И. Чапаев, Г. И. Котовский, Н. А. Щорс, С. Г. Лазо и др. Уже во второй половине 1920-х гг. появляются открытки с их портретами, формируются канонические портретные образы, в последующем «рождаются» сюжеты с участием героев, многократно репродуцируемые на открытках (ил. 2).

Иллюстрация 1 – Почтовая карточка. Э. Лиснер. Степан Разин. М.: Всесоюзное Контрагентство Печати, вторая половина 1920-х гг.

Figure 1 – Postcard. E. Lissner. Moscow, All-Union Agency of the Press., second half of the 1920s

Иллюстрация 2 – Открытое письмо. Чапаев Василий Иванович. Серия «Герои Гражданской войны». М.: Изд-е Музея революции Союза СССР, 1944.
Figure 2 – Postcard. Chapaev Vassily Ivanovich. Civil War Heroes series. Moscow. Museum of revolution of USSR Publ., 1944

Героическая иконография Великой Отечественной войны создается оперативно, уже в начале военного периода, и широко используется в массовой пропаганде. Однако для попадания в пантеон героев, именами которых называли улицы, школы, пароходы, которым посвящали памятники и книги, существовали определенные условия: играли роль масштаб и значимость подвига, его сюжет должен был выходить за пределы человеческих возможностей, что ставило героев на один уровень с деяниями христианских праведников (Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло, Александр Матросов и др.) (ил. 3).

Иллюстрация 3 – Почтовая карточка. Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская. М.: Ленинградский Союз советских художников, 1944.
Figure 3 – Postcard. The hero of the Soviet Union, Zoya Kosmodemyanskaya. Moscow, Leningrad Union of Soviet artists Publ., 1944.

Глубоко симптоматичным выступает следующее: судьбы большинства персонажей этой сюжетной группы связаны с мученической гибелью в борьбе за святое дело — веру в идею коммунизма. То есть, по сути, перед нами — галерея мучеников, созданная по тем же социокультурным алгоритмам, что и в религиозных системах.

Официальная власть в период Великой Отечественной войны начинает активно использовать победный дискурс отечественной истории, в частности, формировать и публиковать визуальные образы «правильных» полководцев. Обычно это «близкие к народу» и любимые простыми солдатами военачальники, например, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. С. Нахимов. С помощью открытки тиражируются их портреты, сцены знаменитых сражений, а также демонстрируются учрежденные именные ордена. Нередко портреты полководцев, подобно клеймам на иконах, образуют композиции на открыточных изображениях, на одном из которых смысловым ядром становится напутствие И. В. Сталина из его речи на параде на Красной площади 7 ноября 1941 г.: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова» [15] (ил. 4).

Иллюстрация 4 – Почтовая карточка. П. Алякринский. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков. М.: Искусство, 1942.

Figure 4 – Postcard. P. Alacrinsky. May you be inspired in this war by a brave image of our great ancestors. Moscow, Iskuststvo Publ., 1942.

Размещение исторических героев на открытках в определенном смысле маркировало завершение процесса формирования визуальной матрицы мифа и начало его проекции в публичное медиапространство. Компактная, недорогая в процессе производства и распространения открытка выступала в качестве идеального средства трансляции и мультипликации визуальных образов, инструмента создания устойчивых визуальных клише. Начиная с детского возраста, визуальные воплощения героев, представленные на открытках (которые, в отличие от плакатов и даже дефицитных книг, становились личными артефактами, участвовали в межличностной коммуникации, что

умножало их значимость), формировали систему ценностей советского человека. При этом, равно как и в христианстве, существовала иерархия советских «святых и апостолов», на вершине которой располагались вожди пролетарской революции.

«Парсуны» вождей в зеркале открытки

На эту роль отбирались правители российского государства, с которыми ассоциировалось политическое, экономическое и культурное развитие российского государства: Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий, Иван Грозный, Петр I. Сакрализация этих исторических фигур носила частичный характер — в их образах сохранялись неоднозначные и даже откровенно негативные черты. Так, в часто воспроизводимой на открытках картине И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» царь предстает в виде обезумевшего тирана, в то же время в работе В. М. Васнецова явственно прочитываются его величие и сила (ил. 5).

Иллюстрация 5 — Открытое письмо.
В. М. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный.
1897. М.: ИЗОГИЗ, 1959.

Figure 5 — Postcard. V. M. Vasnetsov. Czar Ivan the Terrible. 1897. Moscow, IZOGIZ Publ., 1959.

Заметим, что многократное издание открытки со сценой детоубийства словно указывало на потенциальную возможность, допустимость подобного проявления характера правителя. Еще более неоднозначна в открыточной репрезентации фигура Петра I. В «Медном всаднике» А. С. Пушкина реализуются представления о Петре I как властелине великой державы, которому, однако, не подвластна стихия и который сам подобен стихии, готовый уничтожить «маленького человека», что передается иллюстрациями А. Н. Бенуа, воспроизводимыми на открытках. Энергия царя-созидателя, опережающего на шаг не только свою свиту, но само время, — в часто репродуцируемой картине В. А. Серова «Петр I». Жесткий, но рациональный и дальновидный практик предстает в иллюстрациях Д. А. Шмаринова к роману А. Н. Толстого, изданных комплектом открыток. Неоднозначен образ Петра Алексеевича в картине Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», многократно репродуцированной на открытках 1930–1980-х гг. Как отмечено профессором Стэнфордского университета

Кевином М. Ф. Платтом, темы «Правитель и его преемник», «Отцы и дети», обладали особой актуальностью и популярностью в советское время (сталинское «сын за отца не отвечает», дело Павлика Морозова и т. п.) [23]. В итоге возникал эффект своеобразной «языческой сакральности», когда антропоморфное «божество» было способно обернуться к человеку и благодатной, и карающей ипостасью.

Механизм создания «житийного» мифа о судьбе лидера/вождя и его особенностях наиболее ярко прослеживаются на примере ленинско-сталинской открыточной иконографии. Именно в этих образах наиболее рельефно проявляется сакральное начало. Как отмечает А. В. Медведев, «Ярким проявлением светской религиозности является бытие форм духа в социально-политических отношениях, обозначенных как культ личности. В его основе — вера во всемогущество вождя, его премудрость и всеисилие» [12, с. 79]. Мифологизированная история жизни В. И. Ленина представлена на открытках всего периода существования СССР, тогда как И. В. Сталин на официальной открытке фигурирует до «развенчания культа личности» в 1956 г. В последующие годы визуализация его образа «выпала» из сферы компетенции государства — портреты размещались на кустарной фотопродукции — открытках, календарях. Биографии Ленина и Сталина репрезентируются по одной схеме: детство и семья, включение в борьбу и лидерство в революционном движении, руководящая роль в революции и Гражданской войне, управление государством (ил. 6). При этом уровень детализации биографии В. И. Ленина не имеет аналогов: открыточная лениниана — уникальный случай визуализации всей жизни человека на открытке. Уровень сакрализации образа богоподобного вождя требовал максимально подробного «житийного» повествования. В. И. Ленин представал в таких личностных и запоминающихся ракурсах, что каждый, «от мала до велика», сразу узнавал «ангелоподобного» Володю Ульянова; подростка — юного героя, страстно желающего отомстить за казненного брата, и т. д. При этом, как отмечено Элисон Роули, вскоре после смерти В. И. Ленина в открытках проявляется некоторый регресс его «культа личности»: на первый план выходит формирование образа И. В. Сталина; активное пополнение ленинианы в открытках возобновляется в 1950-е гг. [24].

Иллюстрация 6 – Открытка. Кутателадзе. Товарищ Сталин беседует с крестьянами-аджарцами (1902). М.; Тбилиси: Грузхудожник, ГОЗНАК, 1941.

Figure 6 – Postcard. A. Kutateladze. Comrade Stalin talks to the adzharian Farmers (1902). Moscow, Tbilisi, Gruzkhudozhnik, GOZNAK Publ., 1941.

0

производимая на открытке. Значительная часть открыточных сюжетов связана с русскими народными сказками, а также с поэмами А. С. Пушкина.

Богатый книжно-иллюстративный материал, созданный как мастерами Серебряного века, так и художниками советского времени, зачастую компенсировал дефицит произведений станкового искусства, посвященных Древней Руси. Мифологичные по своей природе образы, созданные В. М. Васнецовым, И. Я. Билибиным, М. А. Врубелем, репрезентируют не только определенные исторические сюжеты, но и систему культурных ценностей русского народа (ил. 8).

Именно на территории сказки наиболее открыто, без скрытых смыслов и подтекстов демонстрируются не только картины отечественной истории, но и сама душа русского народа. Во всяком случае так это понималось и представлялось теми, кто так или иначе участвовал в конструировании подобного мифологизированного пространства, а далее — и самой аудитории, воспринимавшей эти образы.

Иллюстрация 8 – Открытое письмо.
И. Я. Билибин. Иллюстрация к русской народной сказке «Об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером Волке». 1899. М.: ИЗОГИЗ, 1958.
Figure 8 – Postcard. I. Y. Bilibin. Illustration to the Russian folk tale “Tsarevich Ivan, The Firebird and the Grey Wolf”. 1899. Moscow, IZOGIZ Publ., 1958.

Выводы

Проекция исторических образов посредством открытки была тесно сопряжена с идеологическим воздействием: «...распространение знаний среди масс является способом преобразить их сознание» [8, с. 55]. Открытка оказывалась в точке пересечения идеологических (в том числе в отношении исторического материала) интересов государства и личностных запросов и представлений: «...воинствующий атеизм отменял веру в трансцендентные силы, но не мог лишить человека желания верить, боготворить то, что для него совершенно» [14, с. 86]. В частности, в открытке совпадали значимые для государства и человека сакральные интенции, что подтверждает тезис о соединении общего и индивидуального как функциональной предназначенности сакрального [12, с. 85]. В случае с исторической открыткой осуществлялась компенсаторная функция культуры: замещение религиозной системы ценностей совокупностью сакрализован-

ных образов иного происхождения. Таким образом, табуированные в советское время темы (религия) находили особые формы реализации в открытке.

Наряду с тем, что открытка исторической тематики характеризует тенденции и установки исторической науки и идеологии советского времени, она может рассматриваться в настоящее время как артефакт исторической памяти. Функция отражения существенных сторон культуры определяет значимость исторической открытки как визуального источника информации с высоким, несмотря на идеологическое форматирование, коэффициентом репрезентативности. Вместе с тем именно персонификация этой тенденции в конкретных образах исторических героев способствовала возникновению и переживанию культурной идентичности с легендарным прошлым, в определенной мере мифологизированным, но от этого только более убедительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Беззубова О. В. «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях и историческая наука // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова, отв. ред. А. Г. Голиков. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2019. С. 62–72.
- 2 Белицкий Я. М. В Москве почти каждая улица есть событие историческое // Московский журнал. 2003. № 1. С. 4–13.
- 3 Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.
- 4 Жиромская В. Б. Особенности религиозного и атеистического мировоззрения в России в 1930-е годы // Церковь в истории России. Сб. трудов. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2007. Вып. 7. С. 310–311.
- 5 Забочень М. С. Филокартия. М.: Связь, 1973. 102 с.
- 6 Зенкова А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Екатеринбург: Изд-во ИФИП УрО РАН, 2005. Вып. 5. С. 184–193.
- 7 Иванов А. Г., Тихонова С. В., Линченко А. А., Полякова И. П. Мифы о прошлом в современной медиасфере: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования. СПб.: Алетейя, 2020. 330 с.
- 8 Кагарлицкий Б. Ю. Советская культурная политика и традиция Просвещения // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 50–63.
- 9 Ларина А. Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 213 с.
- 10 Ленин В. И. Письма издалека. Письмо 1-е. Первый этап революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 31. С. 11–23. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 16. С. 1–36.
- 11 Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95–108.
- 12 Медведев А. В. Сакральное как феномен культуры: Личностное бытие сакрального: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. 250 с.
- 13 Мозохина Н. А. Открытки Общины св. Евгении как художественный проект

- мастеров объединения «Мир искусства». Проблемы истории и художественной практики: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 366 с.
- 14 *Мордовцева Т. В.* Светское и сакральное в культе личности Ленина // *Философия права*. 2005. № 3 (15). С. 85–89.
- 15 Речь Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны товарища И. В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // *Правда*. 1941. № 310 (8718). 8 ноября. С. 1.
- 16 *Тагрин Н. С.* Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1977. 128 с.
- 17 *Самбур М. В.* Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 191 с.
- 18 *Файнштейн Э. Б.* В мире открытки. М.: Планета, 1976. 131 с.
- 19 *Федоров-Давыдов А. А.* Массовая открытка // *За большевистский плакат: Задачи изоискусства в связи с решением ЦК ВКП(б) о плакатной литературе*. М.; Л.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1932. С. 53–62.
- 20 *Чапкина М. Я.* Художественная открытка. К столетию открытки в России. М.: Галарт, 1993. 304 с.
- 21 *Шабурова О. В.* Советский мир в открытке. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 328 с.
- 22 *Шлеев В. В., Файнштейн Э. Б.* Художественные открытки и их собирание. М.: ИЗОГИЗ, 1960. 36 с.
- 23 *Platt Kevin M. F.* *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2011. 294 p.
- 24 *Rowley Alison.* Picture postcards as recorders of the changing cult of Lenin, 1918–1930 // *The NEP Era*. 2010. № 4. P. 11–29.

© 2021. Stanislav O. Tkachenko
Chelyabinsk, Russia

SACRALIZATION OF THE VISUAL IMAGES OF THE PAST IN A SOVIET POSTCARD: HISTORY AND MYTHOLOGY

Abstract: The paper addresses the illustrated postcard of the Soviet era as a means of representing the heroes of Russian history. It is noted that the processes of sacralization of certain characters significant in a specific cultural and historical context, understood in a broad sense, occurred in several directions — creation of the myth of the “hero of the people”, the myth of a leader, as well as the reinterpretation of folklore and mythological plots. The images of folk heroes were associated with people's liberation movements, or feats committed during current events, such as the Civil War and the Great Patriotic War. Another key section of the visualization of history using a postcard came to be the creation of mythotexts dedicated to the leaders of the state, primarily V. I. Lenin and I. V. Stalin. Along with the real historical characters, the heroes of Russian fairy tales and epics were used in the creation of a historical picture. The study shows how, using a postcard, elements of the visual image of the hero were formed, highlighting how illustrated postcard acted as an ideal means of broadcasting and animation of visual

images, a tool for creating stable visual clichés. The author comes to the conclusion that in the case of a historical postcard, the compensatory function of culture was carried out — the replacement of the religious system of values with a set of sacralized images of a different origin — as well as that the postcard of the Soviet era may be considered at present as an artifact of historical memory and a significant visual source of historical information.

Keywords: Illustrated postcard, source of visual information, representation of national history, historical mythologies, sacralization of historical heroes, the myth of the folk hero, the compensatory function of culture, the artifact of historical memory.

Information about the author: Stanislav O. Tkachenko — Postgraduate Student, 1) Chelyabinsk State Institute of Culture, Ordzhonikidze St., 36 a, 454091 Chelyabinsk, Russia; Director, 2) Chelyabinsk State Museum of Fine Arts, Revolution Square, 1, 454000 Chelyabinsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-6547>. E-mail: st-mus@mail.ru

Received: November 04, 2020

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Tkachenko S. O. Sacralization of the visual images of the past in a Soviet postcard: history and mythology. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 58–71. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-58-71>

REFERENCES

- 1 Bezzubova O. V. “Vizual'nyi povorot” v gumanitarnykh issledovaniyakh i istoricheskaya nauka [“Visual Turn” in Humanities Studies and Historical Science]. In: *Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki. Sbornik statei* [The role of pictorial sources in the information support of historical science. Collection of papers], author-writer E. A. Vorontsova, editor-in-chief A. G. Golikov. Moscow, Izdatel'stvo INION RAN Publ., 2019, pp. 62–72. (In Russian)
- 2 Belitskii Ia. M. V Moskve pochtu kazhdaia ulitsa est' sobytie istoricheskoe [Almost every street in Moscow represents a historical event]. *Moskovskii zhurnal*, 2003, no 1, pp. 4–13. (In Russian)
- 3 Glavatskaia E. M. Fotodokumenty kak istoricheskii istochnik: opyt atributsii, kriticheskogo analiza i nauchnogo tsitirovaniia [Photo documents as a historical source: experience of attribution, critical analysis and scientific citation]. *Izvestiia UrFU*, series 2: Gumanitarnye nauki [Humanities], 2012, no 1 (99), pp. 217–225. (In Russian)
- 4 Zhiromskaia V. B. Osobennosti religioznogo i ateisticheskogo mirovozzreniia v Rossii v 1930-e gody [Features of religious and atheistic worldview in Russia in 1930-s]. In: *Tserkov' v istorii Rossii. Sbornik trudov* [The Church in the history of Russia. Collection of works]. Moscow, Izdatel'stvo IRI RAN Publ., 2007, vol. 7, pp. 310–311. (In Russian)
- 5 Zabochen' M. S. *Filokartiia* [Philocarty]. Moscow, Sviaz' Publ., 1973. 102 p. (In Russian)
- 6 Zenkova A. Iu. Vizual'nye issledovaniia kak integral'naiia oblast' sotsial'no-gumanitarnogo znaniia [Visual studies as an integral area of social and humanitarian knowledge]. In: *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia RAN* [Science yearbook of the Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian

- Academy of Sciences]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo IFIP UrO RAN Publ., 2005, vol. 5, pp. 184–193. (In Russian)
- 7 Ivanov A. G., Tikhonova S. V., Linchenko A. A., Poliakova I. P. *Mify o proshlom v sovremennoi mediasfere: praktiki konstruirovaniia, mekhanizmy vozdeistviia, perspektivy ispol'zovaniia* [Myths about the past in the modern media sphere: design practices, mechanisms of influence, prospects for use]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2020. 330 p. (In Russian)
- 8 Kagarlitskii B. Iu. Sovetskaia kul'turnaia politika i traditsiia Prosveshcheniia [Soviet cultural policy and the tradition of Enlightenment]. In: *Vremia, vpered! Kul'turnaia politika v SSSR* [Time, go ahead! Cultural policy in the USSR], edited by I. V. Glushchenko, V. A. Kurenogo. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2013, pp. 50–63. (In Russian)
- 9 Larina A. N. *Dokumental'naia otkrytka kontsa XIX – nachala XX vv. kak istochnik po istorii i kul'ture Moskvy* [Documentary postcard of the late 19th – early 20th centuries as a source on the history and culture of Moscow: PhD thesis]. Moscow, 2004. 213 p. (In Russian)
- 10 Lenin V. I. Pis'ma izdaleka. Pis'mo 1-e. Pervyi etap revoliutsii [Letters from afar. Letter 1. The first stage of the revolution]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.* [Complete works: in 55 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1969, vol. 31, pp. 11–23. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1973, vol. 16, pp. 1–36. (In Russian)
- 11 Mazur L. N. “Vizual'nyi povorot” v istoricheskoi nauke na rubezhe XX–XXI vv.: v poiskakh novykh metodov issledovaniia [“Visual turn” in historical science at the turn of the 21st century: in search of new methods of research]. *Dialog so vremenem*, 2014, vol. 46, pp. 95–108. (In Russian)
- 12 Medvedev A. V. *Sakral'noe kak fenomen kul'tury: Lichnostnoe bytie sakral'nogo* [The Sacred as a Cultural Phenomenon: Personal Existence of the Sacred: DSc thesis]. Ekaterinburg, 2000. 250 p. (In Russian)
- 13 Mozokhina N. A. *Otkrytki Obshchiny sv. Evgenii kak khudozhestvennyi proekt masterov ob"edineniia “Mir iskusstva”*. *Problemy istorii i khudozhestvennoi praktiki* [Postcards of the Community of St. Eugene as an art project of the masters of the Association “World of art”. Issues of history and artistic practice: PhD thesis]. Moscow, 2009. 366 p. (In Russian)
- 14 Mordovtseva T. V. Svetskoe i sakral'noe v kul'te lichnosti Lenina [Secular and sacred in the cult of Lenin's personality]. *Filosofia prava*, 2005, no 3 (15), pp. 85–89. (In Russian)
- 15 Rech' Predsedatelia Gosudarstvennogo Komiteta Oborony i Narodnogo Komissara Oborony tovarishcha I. V. Stalina na Krasnoi ploshchadi v den' XXIV godovshchiny Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii [Speech of the Chairman of the State Defense Committee and People's Commissar of Defense, Comrade I. V. Stalin, on Red Square on a day of the XXIV anniversary of the Great October Socialist Revolution]. In: *Pravda*, 1941, no 310 (8718). November 8, p. 1. (In Russian)
- 16 Tagrin N. S. *Mir v otkrytke* [World in a postcard]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1977. 128 p. (In Russian)
- 17 Sambur M. V. *Otkrytka v kontekste kul'tury: atributsiia, nauchnoe opisanie, eksponirovanie* [Postcard in the context of culture: attribution, scientific description, exposure: PhD thesis]. Moscow, 2014. 191 p. (In Russian)

- 18 Fainshtein E. B. *V mire otkrytki* [In the world of postcards]. Moscow, Planeta Publ., 1976. 131 p. (In Russian)
- 19 Fedorov-Davydov A. A. Massovaia otkrytka [Mass postcard]. In: *Za bol'shevistskii plakat: Zadachi izoiskusstva v sviazi s resheniem TsK VKP(b) o plakatnoi literature* [in support of the Bolshevik poster: tasks of the fine arts in view of the decision of the Central Committee of the CPSU (b) on poster literature]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ.; IZOGIZ Publ., 1932, pp. 53–62. (In Russian)
- 20 Chapkina M. Ia. *Khudozhestvennaia otkrytka. K stoletiiu otkrytki v Rossii* [Picture postcard. To the Centenary of a postcard in Russia]. Moscow, Galart Publ., 1993. 304 p. (In Russian)
- 21 Shaburova O. V. *Sovetskii mir v otkrytke* [Soviet world in a postcard]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2017. 328 p. (In Russian)
- 22 Shleev V. V., Fainshtein E. B. *Khudozhestvennye otkrytki i ikh sobiranie* [Picture postcards and their collecting]. Moscow, IZOGIZ Publ., 1960. 36 p. (In Russian)
- 23 Platt Kevin M. F. *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2011. 294 p. (In English)
- 24 Rowley Alison. Picture postcards as recorders of the changing cult of Lenin, 1918–1930. *The NEP Era*, 2010, no 4, pp. 11–29. (In English)